

Какого черта сердца замотали тряпками

В начале 2016 года Европейский Университет в Санкт Петербурге издал книгу объемом в 399 страниц с желтой продолговатой рамкой на сиреневой обложке:

МИХАЙЛЬ СЕМЕНКО и Украинский Панфутуризм. Манифесты. Мистификации. Статьи. Лирика. Визиопоезия.

В эти месяцы, когда военные действия на востоке Украины уже превратились в будни, сиреневый томик перевода Михайля Семенко (1892-1937) на книжных прилавках российской столицы смотрелся как минимум вызовом. Действительно, если полистать эту книгу, может показаться, что вызовы сыпятся с ее страниц. Тексты и графика Семенко бросали их во все направления: прошлому и настоящему, языку и форме, социальному строю и даже самому Тарасу Шевченко. Об этих вызовах «хфутуриста»¹, «деструктора», марксиста, поэта Семенко хотелось бы сказать пару слов – вместо предисловия.

«Искусство – это процесс поиска и переживания, без осуществления», писал 21-летний автор в своем манифесте «Кверофутуризм».

«Абсолютное знание, к которому стремится знание относительное (познание), возможно только в будущем. Поэтому оно футуристическое. Искусство же это настоящее, моментальное. Что такое футуризм в искусстве? Искусство футуристично в том смысле, что оно есть стремление к глубочайшему и наиболее близкому, к широчайшему и, одновременно с тем, наименьшему, без цели осуществления, нахождения (исключая искусство [называния] – стиль бесконечно умножающихся категорий.»²

Язык – это процесс свершения противоречий, а не данность или простое средство выражения. Несмотря на скандальную карьеру первого поэта футуриста Украины – прерванную, однако, военной службой во Владивостоке и гибелью брата, художника Василия Семенко, – Михайль является один одной из самых многогранных литературных личностей 20 века. Революционер и мистик, шут и новатор Семенко сотрудничал с театром «Березиль» Леся Курбаса и Одесской кинофабрикой ВУФКУ.

«Я весь тремчу від сміху – вигляд твій чудовий, чоловіче! Ой, та з тобою ж пекельно весело! ...Ах, з тобою страшенно тоскно... Я не хочу з тобою говорити. Ти підносиш мені засмальцьованого Кобзаря й кажеш: ось моє мистецтво.»³

Тяга к противоположностям, разрывающая субъект на части, расслаивающая сознание и не дающая осуществить даже малое функциональное действие, пожалуй, самая постоянная черта текстов Семенко. Она же есть их внутренняя энергия: эта одержимость «процессом» и «поиском без осуществления» – работа языка, ставшая самым принципом превращения, – не была простой этикеткой творческого «я». *«Не все расстаются с собой, чтобы увидеть себя в третьем лице*

», писал Семенко под глумливым псевдонимом Анатолий Цebro:

«Не все понимают, чью волю они вершат, – особенно в современной ситуации теоретическо-художественной путаницы и предвзятости к названиям и этикеткам. А это препятствует стремлению к организованной, общей акции, к групповой работе.»⁴

Раздвоенность и противоречивость поведения входила в те годы в научное определение глубокого психического кризиса – так называемого «истерического припадка». Подобным образом его определил профессор Владимир Бехтерев, основатель Нейропсихологического института в Петербурге, где Семенко учился с 1911 по 1914 гг. Психиатр, исследователь и теоретик гипноза, экспериментировавший с фотографией и кинозаписью, автор *Внушения и его роли в общественной жизни и Коллективной рефлексологии* – Бехтерев без сомнения имел немалое, по сей день, однако, до конца не исследованное влияние на работу Семенко. Еще до революции поэт первым заговорил о выражении коллективного сознания в украинском искусстве. Писать не для масс, быть не оратором, а видеть поэзию в роли инструмента проявления коллективного сознания. Коммунист, эксцентрик и противник национальной культуры Семенко пытался материализовать в поэзии то, что Маяковский позже назвал *социальным заказом*.

«Переход в коллективистскую эпоху необходимо материализовать. Перед нашими глазами – мир обобщений и величия человеческого духа в борьбе с природой. Перед нашими глазами не ровные, гладкие строчки, характерные для тонкой индивидуальной черты тончайшего музыкального нюанса, – перед нами массивы, гигантизм, напластование слоев, вершины гор, океаны, континенты... Масштаб нашего мышления изменился. Мы обобщаем. Мы швыряемся суходолами, мы мыслим интегралами. Должно было это отразиться на приемах материализации в поэзии? Должно было, и это отражается. Нужно найти другой способ написания стихов, чтоб писать не первичными понятиями, а понятиями интегрированными – обобщениями. А это значит, что нужно отбросить то, что называется «стихом», нужно сдать в архив уже ненужную вещь – поэзию. Таким образом, исходя из идеологии, мы приходим к новому приему воплощения.»⁵

На практике Семенко необходимо понимать эту «идеологию» не как догму, а скорее как форму необратимого и азартного эксперимента, принципом которого является «движение» форм и их «переживание».

За свою короткую жизнь Семенко опубликовал более тридцати книг, большинство из них являлось экспериментальной и визуальной поэзией, а также лирической драмой, культуркритикой и теорией. В течении трех лет, с 1927 по 1930, Семенко издавал журнал «Новая Генерация», вынужденный, однако, в 1931 году самораспуститься. Его участникам пришлось вследствие репрессивных советских кампаний написать серию покаянных писем.

В 1937 году, в разгар сталинских репрессий, Семенко была инкриминирована

контрреволюционная деятельность в сфабрикованной «Украинской фашистской националистической террористической организации», а также обвинение в «участии в троцкистском блоке».⁶ Осенью 1937 года Семенко был приговорен к смертной казни. Его имя, как и имена многих других писателей Расстрелянного возрождения, не упоминалось до реабилитации в 1957 году. Первое переиздание состоялось в 1985 году в серии «Библиотека поэта» издательства «Радянський письменник».

"Какого черта сердца замотали тряпками" - цитата из перевода поэмы Семенко «Осень». Из сборника: Михайль Семенко и Украинский Панфутуризм. Манифесты. Мистификации. Статьи. Лирика. Визиопоезия. Москва, 2016, стр. 255-256.

1. Хфутурист – ироничное самоопределение, понятие, упоминаемое Семенко в стихотворении «К выходу томов моего «полного собрания сочинений». Цитата из стихотворения Семенко в переводе Андрея Россомахина.

«Найдутся моськи, что будут плеваться,
имитируя
«революционность» свою:
хватит терпеть мол хфутуриста нахальство,
и чуждую нам его пачкотню»

Из сборника: Михайль Семенко и Украинский Панфутуризм. Манифесты. Мистификации. Статьи. Лирика. Визиопоезия. Москва, 2016, стр. 269

2. Семенко М., «Кверофутуризм» (1914), Михайль Семенко и Украинский Панфутуризм. Манифесты. Мистификации. Статьи. Лирика. Визиопоезия. Составлен и переведен с украинского Анной Белой и Андреем Россомахиним. Москва, 2016.

3. Семенко М., «Сам», Кверо, нр. 1, 1914.

4. Цебро А. [Семенко М.] Футуризм в украинской поэзии (1914-1922). Семафор у майбутнє, 1922, нр. 1, стр. 41.

5. Семенко М., «Поезозмалярство», Семафор у майбутнє. 1922. № 1. С. 31-36.

6. Анна Белая, «Панфутуризм. Между авангардистским бунтом и социальным водительством», Михайль Семенко и Украинский Панфутуризм, стр. 35.

Михайль Семенко

Сам.

Ей ти, чоловіче, слухай сюди! Та слухай же ти, чудовий цілком! Я хочу сказати тобі декілька слів про мистецтво й про те, що до нього стосується – тільки декілька слів. Немає нічого ліпшого, як розмовляти з тобою про мистецтво, чоловіче. Я берусь руками за боки й регочусь. Я весь тремчу від сміху – вигляд твій чудовий, чоловіче! Ой, та з тобою ж пекельно весело!

...Ах, з тобою страшенно тоскно... Я не хочу з тобою говорити. Ти підносиш мені засмальцьованого "Кобзаря" й кажеш: ось моє мистецтво. Чоловіче, мені за тебе соромно. Ти підносиш мені заязозені мистецькі "ідеї" й мене канудить. Чоловіче. Мистецтво є щось таке, що тобі й не снилось. Я хочу тобі сказати, що де є культ, там немає мистецтва. А передовсім воно не боїться нападів.

Навпаки. В нападах воно гартується. А ти вхопивсь за свого "Кобзаря", від якого тхне дьогтем і салом, і думаєш, що його захистить твоя пошана. Пошана твоя його вбила. Й немає йому воскресення. Хто ним захоплюється тепер? Чоловік примітивний. Якраз вроді тебе, показчиком якого є "Рада". Чоловіче. Час титана перевертає в нікчемного ліліпута, і місце Шевченкові в записках наукових товариств. Поживши з вами, відстаєш на десятиріччя.

Я не приймаю такого мистецтва. Як я можу шанувати тепер Шевченка, коли я бачу, що він не під моїми ногами? Я не можу, як ти, на протязі місяців витягувати з себе жили пошани до того, хто, будучи сучасним чинником, є з'явищем глибоко відрозликим. Чоловіче, я хочу тобі

сказати, що в сі дні, коли я отсе пишу, гидко взяти в руки нашу часопись. Якби я отсе тобі не сказав, що думаю, то я б задушився в атмосфері вашого "щирого" українського мистецтва. Я бажаю йому смерти. Такі твої ювілейні свята. Отсе все, що лишилось від Шевченка. Але не можу й я уникнути сього святкування.

Я палю свій "Кобзар".

I.

Мої пісні світлосріблянії

На нитках казоники співучої

Летять в просторости незнанії

У блисках хуги нестерпучої.

Там зіроньками десь роскидані

Мої надії світлоторені.

Тут, біля вас, вони не видані

Слова тих казок непокорені.

Мої чуття земнотомливії

Ажурним димом в небо тягнуться

І там в фантази самотливії,

В поези дивнії складаються.

В звук віоліноньки співучої

Втіляю образи веснянії,

В сонати ніченьки блискучої

Мої пісні світлосріблянії.

II.

У човні казки чарівної,

На хвилях легкокрилосну

Без почуття душі сумної
Сплелися в мрію голосну.
В гойданні теплім засипаю.
Все важча й важча голова.
І ледве-ледве зачуваю
Якісь відривчасті слова.
І сниться сон мні тепловійний.
Ніби в коханки на колінях
Я п'ю цілунок безнадійний
У тихомрійних, теплих тінях.
І я проснувся від чудосну.
І зникли казки хвилі ясні.
І ту красуню чарівну
Покрили плями невиразні.

III.

Ось я схилюся на коліно.
До твоїх ніжок доторкнувся.
Я умираю, Ізеліно!
Життя від щастя я позбувся.
Струмки-струмочки з серця ллються.
Огнем зайнявся небосхил,
Всі барви на лиці сміються
І повні ніжних-ніжних хвиль.
А почуття таке шалене.

Так ніби повне теплих снів
Ти упадеш, впадеш на мене,
Щоб я в екстазі зацімів.
Молюсь тобі я, Ізеліно!
Життя коханко чарівна.
І становлюся на коліно
Палкий і ніжний аж до дна.
Прийди, схнлись, моя коханко!
Русокосою оточи.
Тебе кохаю я так палко.
Живу й кохаю я, сплючи,
Я умираю, Ізеліно!
Життя від щастя я позбувсь:
Бо як схилився на коліно
До твоїх ніжок доторкнувсь.
І полум'ям увесь зайнявся
В імлі далекий небосхил
І палом ніжним обмінявся
З очей струмками темних хвиль.

Семафор у Майбутнє
Київ—1922—Май.

U S

M E

A J M

B U A
F

T N' E O

R

АПАРАТ
РАНФУТУРИСТИВ
НУМЕР ПЕРШИЙ